

Год и день, я бы никогда не подумал, что время может двигаться так медленно. Каждый день труд, мучительная игра в ожидание, натянутая на глупую надежду на волшебство и второй шанс.

Я молился каждый день, сначала Семерым, но они никогда не беспокоили меня своими молитвами. Не тогда, когда мои сыновья погибли на войне, и снова мои молитвы были встречены пустыми вестями, когда моя единственная девочка скончалась три луны назад, а ее маленькая девочка едва пережила родовое ложе.

Нет, Семеро не думали о моем разрушенном доме.

Женщина говорила о Старых Золотах, и если Семеро не любят мой дом, то, возможно, Древние Боги прислушаются.

Богороща Харренхолла не была похожа на те, что я видел на севере. Их богорощи обычно не превышали акра, а в Харренхолле они простирались на двадцать. Старая богороща была заперта и игнорировалась задолго до того, как мой дед принял власть над Харренхоллом, старик был настолько набожен, что растратил большую часть своего состояния на строительство этой жалкой маленькой септы внутри стен.

Стены богорощи стояли высокие, двадцать футов в высоту, и драконий огонь не коснулся ни одного камня.

Если бы только остальному Харренхоллу так повезло.

Старые железные ворота пели протест против запущенности, распахиваясь, и, как всегда, я чувствовал на себе их взгляды. Древние Боги были сильны в этом месте, и меня только терпели, а не приветствовали.

Он шел медленно, пробираясь по заросшей тропинке через сердце леса, столетия забвения оставили лишь смутное впечатление среди зарослей. По крайней мере, деревья здесь были прекрасны, ручей, прорезавший лес во всех направлениях, заботился о его здоровье, даже когда люди за пределами этих стен умирали от засухи и голода.

Ясень и Часовые составляли большую часть его, зеленая кора ясеней, которая могла быть не выше двадцати футов в высоту, отчетливо выделялась на фоне возвышающихся серых сторожевых, их могучие стволы далеко доставали до стен. их ограждение.

Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем я добрался до места назначения, мое прибытие было отмечено сменой деревьев. Я больше не был окружен зеленой и серой корой, вместо этого небольшое море черной коры лежало в самом сердце богорощи, Железного леса.

Сначала я был потрясен, увидев его в таком месте, как это. Айронвуд рос не дальше южнее богорощи Винтерфелла, да и то в гораздо меньшем количестве. Не то чтобы их было достаточно, чтобы использовать или продавать по-настоящему, только акр в центре ограды был Айронвудом, но то, что он вообще был здесь, было свидетельством возраста этого места.

Даже Харрен Черный не мог заставить себя разрушить его.

В самом сердце моря Железных деревьев, Сердце-Дерево, сидящее на вершине небольшой насыпи, его пепельный корень распространяется в большую трещину, расположенную под ним. Скрип разливался на небольшие притоки, вероятно, унося воду, поддерживавшую процветание богорощи.

Ярость, утрата, боль от пережитых трагедий. Лицо, высеченное в Древе Сердца, лицо, искаженное страданием и яростью. Красный сок, слишком похожий на человеческую кровь, медленно текла со второго дня, когда я пришел сюда для молитвы.

Ответили ли Древние Боги на все молитвы кровью...

Я преклонил колени, согнув протестующие колени в покрытой мхом почве под собой, и помолился.

Я молился, чтобы Древние Боги сдержали свое слово, я молился о втором шансе для семьи, которую давно похоронил, но больше всего на свете я молился о магии.

Глупая мечта не нуждалась бы ни в чем меньшем.

Когда я закончил, я поднялся, вытирая слезу с глаза, прежде чем она успела упасть. Обратный путь был медленным, хотя то ли от тяжести моих ног, то ли от мыслей, я не знаю.

Выход из богороши вернул меня к реальности, в Харренхолле не было ничего зеленого за пределами этих стен.

— Милорд, леди Шелла зовет вас в большой зал.

Я посмотрел на этого человека, Орсана, молодого рыцаря, одного из немногих, кто еще оставался у меня на службе. Его медные волосы и бледные квадратные черты лица свидетельствовали о его каменно-дорнийском происхождении.

Его родителей, пару бродячих торговцев, окружили разбойники. Когда мои патрули прибыли на место происшествия, они нашли его, мальчика чуть больше десяти зим, дрожащего от страха над телами своих родителей.

Моя Шелла еще до того, как потеря наших детей полностью заморозила ее сердце, настояла на том, чтобы взять его в дом. Это было почти тринадцать лет назад, и мальчик достаточно хорошо зарекомендовал себя на моей стороне за эти мирные годы; рыцарство было заслужено.

Крестьянин стал рыцарем, я сомневаюсь, что другой лорд удостоил бы его чести, но он всегда будет стоять в Харренхолле.

По крайней мере, богороща была довольно близко к большому залу, иногда сам размер Харренхолла работал против этих старых костей. На обратном пути я огляделся, Орсан следовал за мной.

Я любил свой разрушенный замок почти так же сильно, как и ненавидел его.

Мощные стены, двести футов высотой и шестьдесят толщиной, тянулись вокруг меня. Каждая из четырех стен имела длину пять миль от начала до конца, только Стена и Королевская Гавань могли похвастаться более длинными стенами. Кевин Ланнистер однажды сказал мне, что я могу уместить дыхание Ланниспорта в своих стенах, и это было бы более впечатляюще, если бы я мог даже посадить на них людей.

Огонь дракона превратил хождение по стенам в опасное занятие, дорожки превратились в месиво с пузырями и кусочками.

Большая часть территории внутри стен представляла собой унылое зрелище, сплошь

запущенная земля и уставшие слуги. Я был счастлив быть вдали от зрелища, когда наконец добрался до массивных серых часовых дверей Большого зала.

Одиноким охранник охранял двери, он прыгнул, чтобы поспешно открыть их при виде моего прибытия. Войдя в Большой Зал, я прищурился, чтобы увидеть в полумраке, что мы могли позволить себе поддерживать только три из тридцати пяти очагов в любой момент времени.

Я увидел Шеллу, сидящую на объединенном троне рядом с моим на возвышении, рядом с ней сидело мое пустое место, трон Харрена. Великие троны были созданы Харреном Черным, когда Харренхолл должен был стать столицей его королевства.

Возможно, это были самые грандиозные вещи, оставшиеся в Харренхолле, которые не были сожжены в драконьем огне или проданы, чтобы покрыть расходы на содержание самого минимума, необходимого для того, чтобы эти руины оставались пригодными для жизни.

Соединённые троны были вырезаны из цельного куска цельного мрамора, их спинки были выше, чем любой мужчина или женщина могли бы измерить, а по бокам и сзади были изображения герба дома Хоаров. Сцены парусных кораблей, цветущих виноградников, гордых лесов и, наконец, убийства ворон в полете, инкрустированных золотом и серебром.

Они были тронами, предназначенными для правящих короля и королевы, теперь же они служили лишь постоянной насмешкой для любого дурака, который думал называть себя «лордом» Харренхолла, в то время как некогда могущественный трон вокруг них рушился.

Подойдя ближе, я заметил, что Шелла ведет себя странно. Она ерзала на своем стуле, привычка, которую она сохранила от возбудимой молодой женщины, на которой мне когда-то посчастливилось жениться. Она была почти безутешна с тех пор, как наш последний ребенок ушел к Незнакомцу.

Именно тогда я заметил фигуру молодой женщины, двух мужчин, стоящих рядом с ней, и большой сундук, стоящий на столе рядом с ними.

Я ускорил шаги так быстро, как только могли нести меня мои хрупкие кости, мое сердце колотилось в груди с каждым шагом.

«Уолтер, в такой поздний час пришли гости, и эта молодая женщина сказала, что ей нужно доставить кое-что от вас». Голос Шеллы был смесью возбуждения и обвинения, но я чувствовал теплоту в ее голосе, и мне так не хватало этого за эти годы.

Я вышел на подиум и осмотрел женщину, она была одета в простую дорожную одежду. Что еще более важно, она держала в руках плотно завернутый сверток.

«Мои братья и я обязаны ей жизнью, милорд, и это то, что она просила взамен». Женщина была похожа на северянку, я мог легко представить, как разворачивается ее история, со мной было то же самое.

Она осторожно пошевелила сверток в руках, прежде чем передать его мне. «Отведи младенца к отцу, сказала она, Господь Уэнт вспомнит. Нам сказали принести и сундук, теперь мы вас покидаем, милорд.

Обычно я бы предложил укрытие на ночь, когда солнце начало садиться, но я был слишком потерян при виде спящего ребенка у меня на руках, чтобы обращать на них хоть какое-то внимание.

У него был мой нос и мои уши, хотя, казалось, он сохранил бледно-рыжие волосы своей матери. Я рассмеялся про себя, почувствовав, как облегчение захлестнуло меня. Было ли это похоже на то, что ты получил ответ на свои молитвы?

"У меня есть сын"

«Уолтер...» Я посмотрел на жену, она стояла всего в нескольких футах от меня и пыталась разглядеть ребенка у меня на руках. У нее всегда была слабость к детям, и она ужасно обожала всех наших. Теперь, когда они все ушли, ей стало только хуже.

— Хочешь подержать его, Шелла? Мне не хотелось выпускать из рук это маленькое чудо, но тоска в ее глазах говорила мне, что ей нужно снова почувствовать тепло ребенка.

Она потратила достаточно лет, желая этого, возможно, даже больше, чем я. У нас могла бы быть здесь наша внучка, если бы лорд Фрей не отклонил нашу просьбу об аудиенции.

Она нерешительно кивает мне, слегка вздрагивая от нашего контакта, когда я кладу малышку ей на руки. Потребовалось мгновение, чтобы она осознала реальность происходящего, но постепенно ее лицо осветилось мягкой улыбкой.

Боже, как я скучал по этой улыбке... она воркует с малышом, мягкие нотки, которые заставляли меня улыбаться, пока я смотрел. Шелла выглядела такой живой, я скучал по ее смеху, по ее мягким прикосновениям, когда она думала, что никто не смотрит, но больше всего мне не хватало того, как она делала все в мире менее суровым, всего лишь несколькими нежно шепчущимися словами.

«Я расскажу вам историю о том, как он появился сегодня вечером, но знайте, что он мой, и если он здесь, значит, его мать умерла, рожая его». В ее глазах отразилось сочувствие, она знала потерю лучше, чем большинство.

Затем пришел голод, я видел, как в ней нарастало желание. Выражение ее глаз, когда она подняла глаза и встретилась с моими... не было бы мужчины, достаточно сильного, чтобы сломать сталь, стоящую за этой решимостью.

«Сейчас у него есть»

Это все, что нужно было сказать, Шеллу не волновало, что она не носила его первые несколько месяцев его жизни, она будет рядом до конца ее жизни. С облегчением, я даже не осознал, что задержал дыхание, но напряжение медленно ушло из меня.

«Ему нужно имя». Я назвала всех наших сыновей, и она дала имя нашей дочери, но я хотел, чтобы она решила за него.

Назвать нашего последнего сына.

«Харрен, мы назовем его Харрен Уэнт... может быть, тогда проклятие оставит в живых хотя бы нашего последнего ребенка». В конце ее голос сорвался, я обнял ее, слишком давно она не позволяла себе плакать.

— Харрен, хорошо...